

Первым и самым главным своим учителем поэт Виктор Боков неизменно называет Михаила Пришвина. И затем с удовольствием вспоминает: — С группой учащихся я выступал на литературном вечере в Загорском педтехникуме, было мне тогда немногим более 13 лет. После

Виктор БОКОВ:

КАК СЕРДЦЕ ДО БОЛИ СЖИМАЕТ СТИХ...

вечера Михаил Михайлович пригласил меня прийти к нему. На другой же день я стоял у ворот его загорского дома на Комсомольской улице. Сердце бешено колотилось. Пришвин сидел за столом и пылливо смотрел на меня. «Стихи вы читали плохие, — сказал он, — но волновались очень красиво. Слова вы найдете со временем, а волнение не приобретается, оно дается человеку от природы».

— Однако, Виктор Федорович, на поиски слов у вас ушло довольно много времени, книги стали выходить только после 40 лет...

— Так уж сложилась моя судьба. С раннего детства я знал тяжелый физический труд. Будучи подростком, вставал с косой в строй наравне со взрослыми мужиками-крестьянами и проходил прокос, в котором было 800 метров. А сади кричали: «Пятки, пятки», — и нельзя было сказать, что ты устал. После окончания семилетки работал токарем на заводе, затем учился в Литературном институте, сотрудничал в журнале «Дружные ребята», долгое время был старшим зоотехником совхоза в Кемеровской области, заболел в кормах, соломе, дровах, воде, наконец, о людях. Но и в круговороте забот меня догоняла рифма, метафора, сюжет, строка, пейзаж.

— Чаще всего ключ к творчеству поэта кроется в его биографии. «Оптимизм Бокова — оптимизм рабочего человека, он выстрадан и потому так действен», — отмечал еще Николай Рыленков. Читатели много пишут вам, отдавая дань не книжному, а подлинному, конкретному знанию труда. Что вам особенно дорого в читательских письмах?

— Вместо ответа на вопрос я расскажу такой случай. Как-то получил письмо из Донецка. Его автор поведал о том, что на собрании шахтеров долго обсуждали одного человека и сурово его осудили. Затем на трибуну выбежал парень и воскликнул: «Подождите принимать окончательное решение. Я вам прочту одно стихотворение». И он прочитал мой стих «Берегите людей», в котором есть такие строки: «О! Не будьте, не будьте в гуманности лживы. Берегите людей! Берегите, пока они живы!» Тогда разговор начался пе-

новой, и человека оправдали. Вот когда встречаются такие письма, они дорого стоят.

Очень важно для меня, когда корреспонденты соперничают моим строкам, понимают их так, как понимаю я, когда подмечают какие-то, с их точки зрения, точные детали, мысли, образы. Поэт обязан досконально знать, на мой взгляд, то, о чем он пишет. Я не признаю автора, который говорит: «пели птички», и люблю тех, которые говорят: «пела малиновка» или «пела овсянка». Когда меня спрашивают: «Вы слышали, как поют дрозды?», я отвечаю: «Нет, не слышала». Дрозды трещат, а не поют. Все эти мелочи читатели подмечают.

— Недавно в Колонном зале Дома союзов с большим успехом прошла ваша встреча с передовиками и новаторами производства. Мне запомнились сказанные тогда вами слова о том, что поэзия — это в идеале своем тоже цех новаторов. Что вы имели в виду?

— Каждый истинный поэт — новатор. Это легко проследить на таком простом примере. Ямб — рабочий размер, им писали очень многие. Но большие художники делали этот ямб всегда новым. «Евгений Онегин» Пушкина — ямб просветленный, гармоничный, пластичный; «Мцыри» Лермонтова — ямб мятежный, напряженный, мучущий молнии; «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова — ямб певучий, широкий, эпический. А вот — Маяковский: «Мой стих трудом громаду лет прорвет и явится весомо, грубо, зримо...». Или, скажем, Блок: «И каждый вечер, в час назначенный...». Это и есть новаторство в поэзии, потому что настоящий творец наделен своим голосом, своей интонацией, ритмикой, музыкой.

Совершенно удивительное явление в русской литературе Б. Пастернак. Он, будучи музыкантом, настолько владел музыкой стиха, что мог переплавить в поэзию любые слова, даже самые прозаические. Недаром он говорил во всех своих выступлениях, в том числе и на Первом съез-

де писателей, что поэзия есть преза в действии. И думаешь: почему его стихи так «привязываются», почему они так волнуют. «Приходил по ночам в синеве ледника от Тамары...» «Приходил по ночам» — простейший словарь, но личность поэта, его музыкальность, могла все в себе соединить, все слова сделать музыкой, поэзией.

— Среди многих ваших профессий и должностей была и такая — консультант по народной поэзии при Всесоюзном Доме народного творчества. Огромную популярность приобрела составленная вами антология «Русская частушка». Расскажите, пожалуйста, о своей деятельности фольклориста.

— Еще до поступления в Литературный институт, до блестящих лекций по фольклору, которые читал академик Ю. М. Соколов, я собирал в своей подмосковной деревне Язвицы все, что пелось на улице и говорилось в избах. Ходить по деревне за гармошкой было делом первостепенной важности. Затем Соколов надумил меня поехать в фольклорную экспедицию. Мои познания в области песен рязанская экспедиция расширила и утроила страсть к собирательству. Стал ездить по всей стране, отбирал драгоценнейшие жемчуга. Память у меня хорошая: бывало, запоминал сразу до 40 частушек. Приходил домой и сразу разгружал голову, тут же все записывал. Очень мучился, когда забывал слово. Возвращался хоть в самую дальнюю деревню и уточнял, как надо петь. Я знаю более двух тысяч частушек. Однажды ленинградский режиссер В. Венгеров провел такой своеобразный эксперимент: он долго записывал на пленку Б. Окуджаву, а затем меня. Пять часов я пел, не прерываясь и не повторяясь. Потом мы шли по Невскому в гостиницу «Европейская» — Окуджаву с гитарой и я с балалайкой... До сих пор собираю и пою частушки с огромным удовольствием.

— Виктор Федорович, не испытываете ли иногда вы, автор многих книг, страх перед возможной поэтической немотой?

— Я думаю, что такой страх хоть раз в жизни, но посещает поэтов. Не миновала сия чаша и меня. Но теперь, когда я стремительно приближаюсь к своему 70-летию юбилею, отчетливо осознаю: стихи меня не покинули, молчание — это просто накопление, аккумуляция чего-то нового в тебе. Последнее время я много работал. В издательстве «Художественная литература» выходит трехтомник — в «Советском писателе» — книга новых стихов «Стежки-дорожки». А пока своему поэтическому полю я даю отдохнуть. Сейчас собираюсь писать воспоминания о людях, которых знал и любил, — о М. Цветаевой, Б. Пастернаке, А. Платонове. Работая над записными книжками, их у меня буквально сотни. Эти мгновенные записи — свидетельства времени — для меня чрезвычайно важны. В общем, идет напряженная работа: нахожусь в состоянии смотра всего, что сделал за свою жизнь.

Беседа велла Т. СЛАВИНА